

евский и Гоголь не разбираются критиками, потому что это были серьезные люди. А Тургенев, Чехов — легкомыслие, ничтожество, а их разбирают. У Тургенева нет ни одной страницы, которая равнялась бы Достоевскому: нет серьезности».¹⁷⁷

Большая часть суждений Толстого последнего периода жизни о Достоевском — человеке и религиозном, независимом писателе теплые и сочувственные, обвинения Страхова он даже не вспоминает. Вот типичное высказывание Толстого, записанное Маковицким 21 марта 1906 года: «Достоевский не был так изящен, как Тургенев, но был серьезный. Он много пережил, передумал. Умел устоять, чтобы не льстить толпе».¹⁷⁸

Одновременно показательно, что Толстой долгое время не был знаком со статьями Достоевского в «Дневнике писателя» о романе «Анна Каренина». Познакомился он с ними, как свидетельствует запись Маковицкого за 21 сентября 1908 года, очень поздно, по пространным выдержкам, приведенным в биографии Бирюкова: «Я сегодня продолжал читать второй том биографии Л. Н-ча — Бирюкова. Сильно подействовала критика Достоевским „Анны Карениной“. Я говорил об ней Л. Н., он пожелал прочесть и сказал: „Достоевский — великий человек“».¹⁷⁹ Однако непосредственно к тексту Достоевского Толстой тогда не обратился. Более того, когда в конце 1909 года Толстой выразил желание «перечесть» Достоевского, Маковицкий принес книги, но чтение не пошло, как следует из простодушного рассказа летописца: «Я принес Л. Н-чу в кабинет I—III тома „Дневника писателя“ Достоевского, по изъявленному вчера желанию Л. Н. прочесть его. Л. Н. продержал один вечер и в 11 ч. сказал, что можно убрать, что не будет читать: „Он труден“».¹⁸⁰ Не трудности, видимо, остановили Толстого, а чуждость его настроениям и убеждениям тех страниц «Дневника», которые попались на глаза.

Да и роман «Братья Карамазовы» он помнил избирательно и плохо. Красноречиво говорит об этом запись Маковицкого от 3 января 1909 года. Речь в ней сначала идет о споре между болгаринном Христо Досевым, увлеченным учением Толстого, и писателем Наживинным по поводу «идеи Великого инквизитора». Спор Толстого заинтересовал, он попросил напомнить ему содержание «поэмки» Ивана Карамазова: «Пожалуйста, расскажите мне, какая это идея Великого инквизитора? Я ее забыл; я помню, что она мне тоже не нравилась. Достоевский на стороне Великого инквизитора?» Прямого ответа Толстой не получил. Его слова прозвучали как-то в стороне от спора, в который самоуверенно вмешался Чертков, сказавший, «что он стоит за братьев Карамазовых; Достоевский выражает в лице Алеши положительные стороны христианства; в словах безверника Ивана он больше критикует православие, чем отрицает христианство».¹⁸¹ Ясно, что Толстой смутно помнил как Алешу, так и «безверника Ивана».

Не удовлетворили Толстого и выписки, сделанные по его поручению из произведений Достоевского. Снова «не то»: «У Достоевского есть путаница, у него нет свободы, он держится предания и „русского, исключительного“. Он связан религией народа».¹⁸² Тем не менее Толстого неумолимо влечет к загадочному и «трудному» Достоевскому. 12 октября 1910 года он, преодолевая себя отчасти, приступает еще раз к чтению «Братьев Карамазовых». Первые впечатления от этого нового знакомства с романом не очень благо-

¹⁷⁷ Там же. Кн. 3. С. 409.

¹⁷⁸ Там же. Кн. 2. С. 399.

¹⁷⁹ Там же. Кн. 3. С. 206.

¹⁸⁰ Там же. Кн. 4. С. 113—114.

¹⁸¹ Там же. Кн. 3. С. 294.

¹⁸² Там же. С. 336.